

Нина Ургант:

«Я никогда не таила
зла на мужчин,
которые меня
оставляли»



Как-то поздно вечером возвращаюсь домой. Вдруг прямо из-под земли вырастают два качка: бритые затылки, мощные торсы — ну просто персонажи из триллера! Я вся сжалась от ужаса и пока судорожно соображала, что делать — кричать, бежать или сразу отдать ценности, — парни бухнулись передо мной на колени: «Вы — Нина Ургант? Спасибо вам за «Белорусский вокзал!»»



Фамилия Ургант досталась мне от отца-эстонца. Он работал в НКВД, (мои родители)



медленно, я все объясню!» Выяснилось, что худсовет и сама министр культуры Фурцева утвердили на роль Инну Макарову, но Смирнов настаивал на моей кандидатуре. Из-за трех эпизодов, в которых я должна была участвовать, разгорелся настоящий бой! Инна не унималась: «Мне роль нравится, и я буду сниматься, несмотря на ваше недовольство!» Тогда режиссер лег в больницу, поставив руководству киностудии ультиматум: «Пусть оставшиеся эпизоды снимает кто угодно, но только не я!» И Сурин, директор «Мосфильма», устав от борьбы с упрямым, махнул рукой: «Да снимай ты кого хочешь, всю ответственность беру на себя! У меня план горит!»

Никогда не забуду свой первый съемочный день и первую сцену: я встречаю своих однополчан со словами: «Ребятаки приехали!» Сценарист Трунин тогда ушел со съемочной площадки, заявив: «Да ничего у нее не получится!» Когда все направились в просмотровый зал, у меня в голове промелькнуло: «Все, пропала! Сейчас с роли снимут». Первым ко мне подошел Леонов: «Ну вот, приехала какая-то ленинградка, и наши звезды тут же померкли». Даже оператор Павел Лебешев не верил в меня, упрекнув режиссера: «Зачем вы ее берете? У этой актрисы нет глаз!» А через несколько месяцев приехал в Ленинград — и прямо ко мне. Открываю дверь, на пороге моей квартиры стоит на коленях Паша, а перед ним — целый ящик шампанского! «Ургант, хочу выпить за твои глаза!» — воскликнул Лебешев.

— У вас довольно редкая фамилия...

— Она мне досталась от эстонца отца.

Папа вырос под Лугой, в эстонской колонии. Мне было около десяти лет, когда его вместе с семьей из Луги направили по месту службы в Даугавпилс, где он работал в НКВД. Мы приехали туда перед самой войной. Помню, город сдали немцам без боев: его взяли мимоходом, будто совершая прогулку. Папа успел отступить вместе с нашими войсками. Представляю, как страшно было маме остаться с четырьмя детьми в оккупированном городе. (Володе было тринадцать, Герману — одиннадцать, мне — десять, младшей, Гале, — год.) Слава Богу, дворничиха, которая прекрасно знала, кем был папа, не выдала нас фашистам.

Наша семья переселилась в подвал, в котором и прожила всю войну. Мама ра-

Началу я не хотела петь песню Окуджавы, несмотря на то что Булат ее написал специально для этого фильма и для меня. Умоляла режиссера «Белорусского вокзала» Андрея Смирнова: «Может, лучше что-нибудь из репертуара Клавдии Шульженко? У меня «Синий платочек» хорошо получается...» Казалось, эту очень жесткую песню я не вытану. Помню, начали репетировать, а песня не идет. Первый дубль, второй, третий... Все мимо! Огорченная, поднимаю глаза на партнеров — не злятся ли, что у меня не получается? Вдруг вижу, ребята... плачут. Все четверо: Леонов, Папанов, Сафонов, Глазырин. И после перерыва песню записали с первого раза. Сегодня, увы, из той бравой четверки никого не осталось... Первым сразу после премьеры от инфаркта скончался Алексей Глазырин. Вскоре не стало Анатолия Папанова. Через пять лет ушел Всеволод Сафонов. А потом мы простились и с Евгением Лео-

новым. Печальное совпадение: это случилось во время концерта, где я должна была исполнять «Здесь птицы не поют». Собравшись с силами, спела, а после сказала зрителям, что ушел из жизни Евгений Леонов. И долго плакала вместе с притихшим залом.

А ведь в фильме, ставшем моей судьбой, я могла и не сыграть! Вначале режиссер предложил роль Ие Саввиной. Но, прочитав сценарий, Ия Сергеевна сказала Смирнову: «Андрюша, я не смогу это сыграть. Роль под силу другой артистке — Нине Ургант!» Режиссер немедленно мне позвонил и вызвал на пробы в Москву.

Однако прошла неделя, вторая, месяц, год. Приглашения на съемки я так и не дождалась. Зато прочла в газете, что работа над «Белорусским вокзалом» подходит к концу и скоро состоится премьера. Я еще подумала тогда: «Кто же та счастливица, которая сыграла мою роль?» И вдруг ночью раздается звонок режиссера: «Нина Николаевна, приезжайте не-

Из-за трех эпизодов разгорелся настоящий бой! Инна Макарова не унималась: «Мне роль нравится, и я буду сниматься, несмотря на ваше недовольство!»



В фильм «Укротительница тигров» Кошеверова ввела меня на роль Оленьки в самый последний момент: возникли какие-то проблемы с исполнительницей этой роли. Людмила Касаткина казалась мне эталоном женской красоты...

ботала в немецкой пекарне — таскала мешки с мукой. Каждую ночь под страхом смерти мамуля приносила за пазухой горячую буханку хлеба, это помогло нам выжить. А ведь она прекрасно знала: если поймают — расстрел! Хотя в целом по отношению к местному латышскому

населению фашисты вели себя мирно. Помню, один немец, который работал на кухне, часто угощал меня клубникой.

В оккупированном Даугавпилсе я посещала школу, правда, всего год. Учили немецкий язык, Закон Божий.

Всю войну я молила Бога, чтобы вер-

нулись живыми папа и старший брат (Володя ушел на фронт уже в 1945-м). Каждый день ходила в церковь, опускалась на колени и читала молитву «Отче наш». Чудо произошло — они вернулись! Так еще маленькой девочкой я поверила в Бога. И сегодня у меня есть свой покровитель — святой Пантелеймон. Я его выбрала, потому что он самый молодой и красивый. Часто с ним беседую, иногда прошу о помощи.

Когда закончилась война, идти в младшие классы было стыдно (я была не по годам рослой девицей), поэтому меня посадили сразу в восьмой. До сих пор остро чувствую пробелы в образовании, пишу с жуткими ошибками, боюсь ненадежным опозориться. Иногда мне снятся

Каждую ночь под страхом смерти мамуля приносила за пазухой буханку хлеба. Она прекрасно знала: если поймают — расстрел!

жуткие кошмары: будто стою у доски и не знаю урока — просыпаюсь вся в поту.

После войны начали выдавать пайки, и я стала не по дням, а по часам округляться. Представляете, почти сто килограммов весила! Когда поступала в театральный, многие запомнили мой пятый размер бюста и широкие крутые бедра.

Сегодня наступила грустная пора, вокруг столько потерь... Ушли многие любимые актеры, друзья, ушел Володя Высоцкий.

— Вы с ним дружили?

— Познакомились мы на съемках фильма Виктора Турова «Я родом из детства». Моей героине никак не могли найти возлюбленного. Вдруг меня срочно вызывают на съемки: «Нашли долгожданного!» Вхожу в павильон и вижу розовощекого беленького мальчишка, который робко поднимается с табуреточки. Оказалось, и росточка-то он невысокого. Видимо, при виде такого мелкого ухаже-ра у меня вытянулось лицо, потому что

Когда я поступала в театральный, многие запомнили мой пятый размер бюста и широкие крутые бедра



Мое общежитие располагалось напротив театрального института, и я из чистого любопытства пошла взглянуть, кого же берут в артисты... Абитуриенты после экзамена (вторая справа Нина Ургант. 1953 г.)



но, кому петь, главное — чтобы его понимали. Однажды в полночь звонят в дверь. Открываю — батюшки! Стоит Володя, а с ним — целая толпа женщин. Человек двадцать, не меньше. Молча впустила всех в дом, долго металась по кухне, предлагая кому чай, кому кофе. Женщины молодые, чудо какие красивые! Все как одна одеты с иголочки, в ушах бриллианты сверкают. Французскими духами пропахла вся моя квартира. Володя долго им пел, а после того как девушки ушли, спрашиваю: «Что за красавицы с тобой были?» Он посмотрел на меня, как на дуру: «Нин, ты что? Это ж проститутки с Невского!»

Как-то вбегаю после репетиции в свой двор-колодец и застаю такую картину: у подъезда толпится народ, а из моих открытых настежь окон несется хрипкое пение Высоцкого. Захожу в квартиру и вижу: Володя поет, а перед ним сидит мой пес Зурикела и внимательно слушает. Я принялась возмущаться: «Внизу из-за тебя столько людей собралось, а ты собаке поешь!» Володя задумчиво посмотрел на меня и произнес: «Нина, какие умные глаза у твоего пса! А почему такая странная кличка — Зурикела?!»

— **Действительно, почему?**

— Вообще-то полное имя собаки (помесь черного терьера с пуделем) — Зураб. Мы с Кириллом взяли пса из цирка, там его признали неспособным к дрессуре. Кличка начиналась на букву З, но мы ее не запомнили, а поскольку Кира наполовину «лицо кавказской национальности» (его мама Ирина Ласкари — армянка), он почему-то назвал пса Зурабом. Между прочим, из-за этого со мной на всю жизнь поссорились друзья-грузины, причем умные люди, кардиологи. Услышав, как я обращаюсь к собаке, они чуть в обморок не упали: «Как ты могла назвать собаку грузинским именем?!» Ушли, обидевшись, и больше не вернулись.

— **Нина Николаевна, а как вы стали актрисой?**

— После школы мои одноклассники поехали в Ленинград поступать в институты, и я тоже с ними за компанию. Поскольку мои математические способно-

юноша, конфузясь, произнес: «Нина Николаевна, ради Бога, не огорчайтесь! На экране я получаюсь очень мужественным». (На съемках ему подставляли под ноги стульчик, чтобы казался повыше.) После этой картины мы с Высоцким подружились. У него были прекрасные отношения с моим вторым мужем Кириллом Ласкари. Они частенько упражнялись в остроумии — кто кого перешутит. И у того, и у другого чувство юмора было искрометным. Володя, приезжая в Ленинград, останавливался только у нас. Однажды прибыл на новеньком «BMW», видимо подаренном Мариной Влади. Кстати, Марина тоже неоднократно бывала у нас, приезжала и одна, и с детьми. Странно, но о ней у меня не сохранилось хороших воспоминаний. Мне всегда казалось, Володю нужно было любить не так — не берегла она его! Не понимала, что он никогда не переехал бы во Францию, как бы ей этого ни хотелось! Его, как Антея, оторви от родной земли — и он бы погиб! Только в России, в нашем дерьме он мог жить и творить.

Я знала, что онпил вплоть до остановки сердца, но мне не довелось видеть Высоцкого в таком состоянии. Однажды, когда он у меня гостил, я свалилась с воспалением легких. Каждый день наша «театральная» медсестра Зиночка приходила делать мне уколы. Как-то Володя отвел меня в сторонку и тихонечко попросил: «Нинуля, мне совсем плохо! Не могла бы Зиночка сделать небольшую операцию?» Расстегнул джинсы и показал огромную гематому как раз в том месте, где была вшита ампула, видимо натертую тугим поясом. Зиночка удачно ее удалила. А вечером пришла Марина: «Что? Вытащил ампулу? Так давай выпьем!» Я была в шоке!

Честно говоря, тогда я не понимала, не находила смысла в словах песен Высоцкого. Да еще этот крик! Когда Володя пел, я всегда делала ему замечания: «Что ты так кричишь! Неужели нельзя петь потише? Лучше спой мне про любовь!» Он удивлялся: «Нина, ты не понимаешь, ведь у меня все песни о любви».

Высоцкому было совершенно не важ-

Высоцкий, конфузясь, произнес: «Нина Николаевна, ради Бога, не огорчайтесь! На экране я получаюсь очень мужественным»

сти равнялись нулю, я подала документы в педагогический, твердо решив: если не поступлю, пойду учиться хоть в слесарную школу, но из Ленинграда никуда не уеду.

И тут в мою жизнь вмешался случай. Вообще, как позже выяснилось, случай играет в моей жизни колоссальную роль. Мое общежитие располагалось напротив театрального института, и я из чистого любопытства пошла взглянуть, кого же берут в артисты? Увидела обыкновенных девочек и мальчиков и решила: почему бы мне тоже не рискнуть? В фойе института подошла к женщине, курившей «Беломорканал», и спрашиваю: «Где тут делают артистов?» Она поправила: «Здесь учат на актеров, но вы все равно опоздали. Идет последний тур», но, заметив мой необычный акцент, поинтересовалась, откуда я родом. Узнав, что из Даугавпилса, женщина вдруг потеплела: «Хорошо, так и быть. Я вас послушаю, но

только после всех поступающих». Это была Татьяна Григорьевна Сойникова. Она набирала студентов вместе с Борисом Вольфовичем Зоном. Как оказалось, она родилась в Даугавпилсе, поэтому приняла самое активное участие в моей судьбе. Мне в помощь выделили молодого выпускника-режиссера, которому поручили подготовить меня к прослушиванию. Я смело заявила, что могу петь, танцевать, читать прозу, и тут же прочитала ему отрывок из Гоголя «Какой же русский не любит быстрой езды!..» Будущий режиссер меня выслушал и сказал: «Все хорошо, но мне бы хотелось, чтобы вы наяву увидели, как эта самая тройка несетя по Руси, как звенят колокольчики. Я хочу, чтобы вы все это себе представили, как учил великий Станиславский». В ту пору я не имела ни малейшего понятия ни о каком Станиславском, но слова своего консультанта запомнила. Наконец меня пригласили на прослушива-

ние: перед комиссией я сначала прочла стихотворение и басню. Пришло время прозы. Представить, как летит тройка, для меня было пара пустяков. Поэтому я как закричу: «Тройка, куда ты мчишься? Дай ответ!» — и, приложив руку к уху, делаю паузу. Выждала положенное время и огорченно говорю: «Нет, не дает ответа!» В зале раздался жуткий хохот, и я поняла, что с треском провалилась. Но на следующий день в списках поступивших красовалась моя фамилия. Как мне после объяснили, я была зачислена за непосредственность.

Вот так благодаря случайной встрече в фойе института с Татьяной Григорьевной я и стала артисткой. Сойниковой я благодарна не только за то, что обучила меня профессии. Она давала мне уроки этикета: в какой руке держать вилку, в какой — нож, как себя вести в обществе. Мне не нужно было несколько раз повторять — я все ловила с полуслова.

Думаю, моя удача в «Укротительнице тигров» — только с перепугу. Мне казалось: я сплю и вижу чудесный сон. Вокруг такие артисты — Павел Кадочников, Сергей Филиппов, Леонид Быков, Людмила Касаткина!



Я подала документы в педагогический, твердо решив: если не поступлю, пойду учиться хоть в слесарную школу, но из Ленинграда не уеду!

— Получается, ваше желание во что бы то ни стало остаться в Ленинграде осуществилось?

— Не сразу. После окончания института я, как законопослушный гражданин, со своим мужем Левою Милиндером отправилась по распределению в Ярославский театр. Лева учился вместе со мной и постоянно дрался с однокурсником Гариком Остриным, отвоёвывая право быть моим кавалером (без ложной скромности замечу, за мной ухаживала вся мужская половина курса). Правда, когда Лева сделал мне предложение, я ему дала от ворот поворот, причем в резкой форме. Представьте мой ужас, когда

я узнала, что после отказа он пошел домой вешаться! Слава Богу, родные вовремя успели вынуть несчастного из петли. Мне стало жаль беднягу, и я вышла за него замуж.

Мы жили с Левыми родителями в огромной квартире в центре Ленинграда. Через пять лет у нас родился Андрюша, а вскоре я случайно узнала, что мой Лева влюбился в циркачку, которая работала в «волшебном ящике» у Игоря Кио: на арене ее пилили пополам или резали на части. Я не смогла Леве простить измены, взяла в охапку ребенка и ушла. Мало того, выписалась из его роскошной квартиры, переехав в малюсенькую

Когда Лева Милиндер сделал мне предложение, я ему дала от ворот поворот, а он пошел домой... вешаться! Мне стало жаль беднягу, и я вышла за него замуж

комнатку в общежитии театра. Свекровь меня жалела и все время повторяла: «Пускай лучше он уходит!» Тетенька в домоуправлении, когда меня выписывала, не верила своим глазам: «Вы что, с ума сошли? Вы же имеете право на комнату!» Но я не понимала, как можно претендовать на чужую квартиру. Ровно через год Лева развелся со своей циркачкой, и она-то своего не упустила, отобрала у него часть квартиры. После этого Лева женился еще раз восемь — правда, больше никому не угрожал повеситься в случае отказа...

Воспитывать одного сына было трудно: зарплата крошечная — ни прокормиться как следует, ни одеться! Я не могла себе позволить ничего лишнего: жила в общежитии, мебель казенная. Помню, перед премьерой моего первого спектакля подходит Володя Татосов и спрашивает, что мне подарить по такому поводу. Я, опустив глаза, прошептала: «Подари мне, пожалуйста, чулочки».

— Как же вам удалось избежать работы по распределению в провинциальном театре?





Через пять лет у нас с Левой родился Андрюша

— Однажды режиссер Саша Белинский, который был ко мне равнодушен (как-то даже звал в жены!), обратил на меня внимание Товстоногова: «Есть талантливая молодая артистка, но работает в Ярославле». Меня срочно отозвали в Театр Ленинского комсомола к Георгию Александровичу. Лучшего режиссера я не могла себе и представить, но через год Товстоногов вызвал меня в свой кабинет и серьезно заявил: «Нина, мы ошиблись в выборе артистки. Вы не та, которая мне нужна. Прощайте!»

Товстоногов бывал очень жесток, когда дело касалось творчества. Я же так им восхищалась, что робела на репетициях, да и мастерства, как такового, еще не было. Поэтому, выходя на сцену, я не могла играть — язык буквально присыхал к горлу. После таких слов обожаемого мэтра земля закачалась у меня под ногами. Я ходила по пустой сцене и искала место, где бы удавиться. Из транс меня вывел художник Семен Соломонович Мандель: «Нина, я отнес твою фотографию режиссеру Кошеверовой. Она снимает фильм «Укротительница тигров». Будешь бегать у нее в массовке. Три рубля в день, и ты при деле!» Так он оказался моим крестным отцом в кино. И вот опять случай! Кошеверова ввела меня на роль Оленьки в самый последний момент: возникли какие-то проблемы с исполнительницей этой роли. Получив гонорар за фильм «Укротительница тигров», чтобы почув-

ствовать себя уверенной и богатой, как вы думаете, какую жизненно важную вещь я приобрела? Немедленно купила... пылесос. Хотя пылесосить было абсолютно нечего! В моей каморке стоял театральный реквизит и две раскладушки — моя и Андрюшкина. После съемок жизнь снова показалась мне прекрасной и удивительной. Думаю, что моя удача в фильме — только с перепугу. Я очень робела и жутко страдала от комплекса неполноценности. Мне казалось: я сплю и вижу чудесный сон. Вокруг такие артисты — Павел Кадочников, Сергей Филиппов, Леонид Быков, Людмила Касаткина. Касаткина мне казалась эталоном женской красоты, а перед Кадочниковым я тряслась от страха как осиновый лист.

— Наутро вы стали знаменитой?

— После выхода фильма на экраны на меня обрушилось огромное количество комплиментов, не было отбоя от прессы, поклонников. На «Ленфильме» состоялась громкая премьера «Укротительницы тигров», на которую пригласили всю творческую элиту города, в том числе и Товстоногова. После премьеры Георгий Александрович сказал мне: «Нина, я повышаю вам зарплату на десять рублей — возвращайтесь в театр». Все, что Товстоногов не заметил на репетициях, когда я дико волновалась, он разглядел на экране. И я играла у него в каждой постановке, порой по тридцать семь спектаклей в месяц! Это была моя Болдинская

Через год Товстоногов вызвал меня в свой кабинет и серьезно заявил: «Нина, мы ошиблись в выборе артистки. Вы не та, которая мне нужна. Прощайте!»

осень. Так кино помогло мне стать приемной в театре.

Потом Товстоногов ушел в БДТ, звал с собой и меня. Они с Фимой Копеляном уговаривали меня в два голоса, а я твер-

дила как заведенная: «Не могу бросить театр. Ведь на мне весь репертуар держится! Как я оставлю товарищей, подведу?!» Позже, когда Музиль пригласил меня в Пушкинский театр сыграть с Симо-



новым «Перед заходом солнца», я согласилась только потому, что в родном театре потеряла нескольких партнеров. На их место пришли молодые ребята, а с ними играть стало неинтересно. В Пушкинском тогда блистали Черкасов, Толубеев, Игорь Горбачев, Адашевский, Екатерининский, Либзак, Штыкан, Симонов, и я подумала: играя на одной сцене с такими гениями, продлю свою молодость. Лет пять работала на два театра, пока на мои роли не ввели новых актеров. Очевидно, поэтому и сохранила форму — ведь всю жизнь пахала как вол! К тому же приучила себя перед спектаклем ничего не есть, позволяла только чашечку кофе со сливками. Зато, возвращаясь поздно вечером домой, могла опустошить холодильник: буханку хлеба умять или полкастрюли супа. Признаться, очень люблю мучное и сладкое. Моя соседка по даче Люся Сенчина всегда смеется: «Когда ты пьешь чай, ложка стоит в стакане!»

— **Какой комплимент вы запомнили на всю жизнь?**

— Мне очень дорога похвала писательницы Веры Пановой. Когда я снималась у Таланкина в картине по ее повести «Вступление», Вера однажды сказала: «Нина, вы замечательно работаете». Я попыталась возразить: «Такой материал! Это не я, а вы написали!» — «Нет, этого я не писала».

На Венецианском фестивале картина завоевала первый приз. В Италии мы представляли фильм вместе с Таланкиным, Сергеем Герасимовым и Григорием Александровым. Меня, к великому удивлению, поселили в шикарном отеле «Эксельсиор». Я жила по-царски — в двухместном «люксе»; каждое утро красивый итальянец в униформе привозил мне в номер завтрак на серебряной тележке. Александров прибыл на фестиваль без Орловой, поэтому на все приемы его сопровождала я. Однажды мы были в гостях у итальянского миллионера Чино. Весь вечер хозяин оказывал мне знаки внимания: моя непосредственность приводила его в полный восторг. В разгар веселья мы вышли с Чино на балкон подышать воздухом, и он, указывая на чернеющие вдали горы, сообщил: «Видите, они тоже мои!» После ужина мил-

Все, что Товстоногов не заметил на репетициях, когда я дико волновалась, он разглядел на экране. И я играла у него в каждой постановке, порой по тридцать семь спектаклей (с С. Юрским в спектакле «Никто». Ленинградский Ленком. 1957 г.)

В жизни меня чаще принимали не за актрису Нину Ургант, а за киноперсонажей (в фильме «Знойный июль». 1965 г.)



ально для поездки я разорилась и купила на всю зарплату симпатичные брючки, но в аэропорту цепкий глаз «цензора» усмотрел в моем наряде крамолу. Обнову с меня сняли прямо на вылете! Я испытала жуткое унижение: переодеваться пришлось перед регистрацией билетов за какими-то ящиками. «Советской девушке неприлично лететь в капиталистическую страну в брюках», — выговаривал мне «цензор».

В Венеции стояла страшная жара, и днем актеры все время проводили на пляже. Я тоже почти не снимала купальника. Даже на обед в ресторан многие дамочки заходили в одном бикини. Помню, Герасимов, окинув меня взглядом, в шутку сказал: «Нина, ваша фигура лучше моей». Мне он тогда казался пожилым мужчиной (потому что был абсолютно лысым), но фигура у него была великолепная: накачанные мышцы, весь подтянутый — словом, настоящий атлет!

Там же, в Венеции, я отмечала свой день рождения. Ко мне заранее подошли два «Ивана Ивановича» и вкрадчиво предупредили: «Четвертого сентября состоится прием по случаю вашего дня рождения. Будете встречать гостей». Я так испугалась: «Господи! На какие деньги?!», но они успокоили: «Это вас не касается. Ваше дело — вместе с Герасимовым стоять у входа и всем улыбаться». Вечером собралась шикарная публика в вечерних нарядах, на дамах бриллианты сверкали так, что слепило глаза! Столы ломились от икры и водки, привезенной с родины.

Мне сделали поистине царские подарки, преподнесли даже антилоповую шубу. Особенно поразил один «подарок». Историю, связанную с ним, не забуду никогда. На следующий день после торжества меня пригласил в свой часовой салон самый известный в Венеции мастер. При входе в роскошный зал совершенно неожиданно на мое левое запястье надели браслет-часики в виде змейки с драгоценными камнями. Сердце екнуло от впервые в жизни свалившегося на меня счастья, и я закружилась в танце. Фотографы шелкали мое светившееся от радости лицо, а после подошли два синьора и сняли с моей руки драгоценную мечту. Оказалось, это рекламная съемка. Вот такие были курьезы!

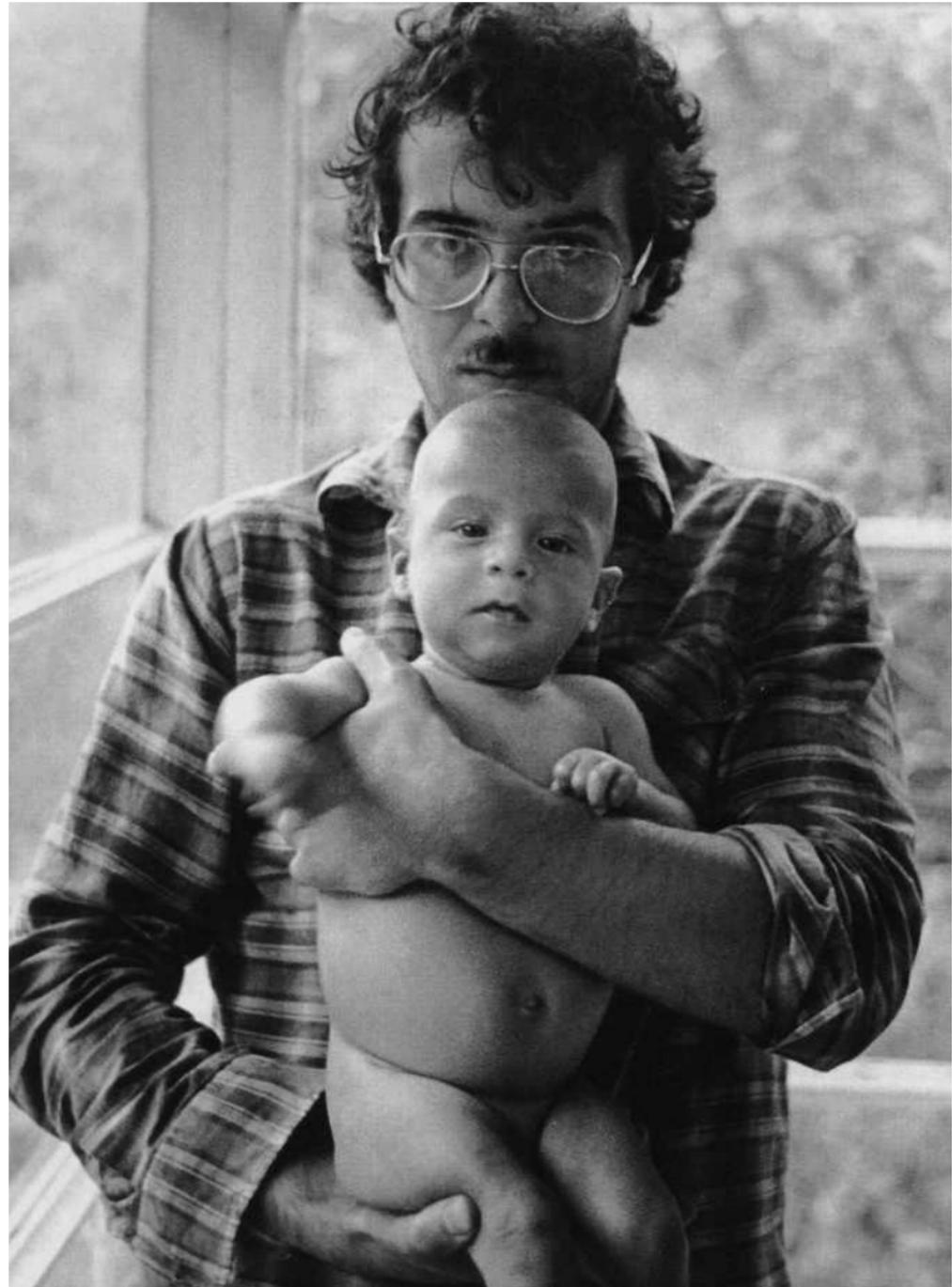
лионер пригласил меня в казино. Я согласилась: было интересно посмотреть, как играют в рулетку богатые иностранцы. Но «Иван Иванович» (так мы называли сопровождающих из КГБ) тут же двинулся за мной: «Куда пошла? Вернись обратно!» И сколько его ни уговаривали и я, и мой спутник — тот ни в какую! Чино недоумевал: «Я за все плачу! Что за проблемы?»

Если бы вы знали, какой зажатой я была на приемах! Представьте: роскошный зал, вокруг каждого гостя по пять официантов, на столе уйма вилок и тарелок — поди разберись! К тому же у меня всего одно платье и одна пара туфель — и в ресторан, и на просмотр! Перед поездкой в Италию студия «Ленфильм» заказала мне за свой счет вечернее платье, а туфли одолжил кто-то из подруг. Специ-

Обнову с меня сняли прямо в аэропорту. «Советской девушке неприлично лететь в капиталистическую страну в брюках», — выговаривали мне



Только на сцене
и в кино я умела красиво
любить, красиво прощать...



**Андрей сменил много подружек, в этом он абсолютная копия своего отца!
От однокурсницы Веры Киселевой у него растёт сын Иван**

Перед отъездом за границу «ответственный товарищ» нас строго-настрого предупредил: «Главное — берегите паспорт! Это самое ценное, что у вас есть!» Я так перепугалась, что каждый день металась по номеру и перепрятывала паспорт в разные места. В итоге, когда пришло время уезжать, я долго не могла его найти. В поисках участвовала вся группа, шарили по номеру, еле нашли.

— После успеха в Венеции ваша жизнь как-то изменилась к лучшему?

— От театра мне дали новую квартиру,

правда, маленькую, «хрущевочку», но отдельную. В районе, где я получила жилье, образовался своеобразный актерский поселок. Неподалеку жили Олег Басилашвили с женой Таней Дорониной, Саша Демьяненко. Мы часто по-соседски встречались. Однажды по случаю какого-то праздника Саша пригласил гостей — Пашу Луспекаева, меня с Ией Саввиной и Кириллу Ласкари, с которым дружил. Как мне сказали позже по секрету, Кира давно меня приметил и ждал момента, чтобы познакомиться. Вот случай и предста-



Моя подруга Ия Саввина. Добрая, широкая душа, но не дай Бог попасть ей на язычок!

вился. Он поспорил, что донесет меня на руках на седьмой этаж. И что вы думаете — донес! После того вечера мы с Кирой не расставались, вскоре поженились и стали жить одной семьей — он, я и мой сын. Кирилл — сводный брат Андрея Ми-

ронова по отцу. Мой муж был человек бесспорно умный, талантливый, творческий — танцевал, позже ставил балеты в провинции, работал хореографом в драматических театрах. Но, увы, ни громкого имени, ни шедевра так и не создал.

Мирановы-Менакер, приезжая в Ленинград, часто бывали у нас с Кирой. Мария Владимировна производила впечатление очень властной женщины с сильным характером. Мне казалось, она жутко подавляла своих мужчин. Наверное,

В фильме «Белорусский вокзал», ставшем моей судьбой, я могла и не сыграть! Вначале режиссер предложил роль Саввиной. Ия Сергеевна сказала: «Андрюша, я не смогу это сыграть. Роль под силу другой артистке — Нине Ургант!»



поэтому Менакер мало общался с сыном от первого брака. Да и Андрей, по-моему, тоже побаивался мать. Однажды мы с Кирой приехали в Москву, а Ии Саввиной, у которой мы обычно останавливались, дома не оказалось. Мы отправились к Андрею, но он, представьте, дальше передней нас не пустил! Хотя, приезжая в Ленинград на съемки, жил только у нас, да еще каждый день звонил любовнице в Москву (той самой, что недавно написала книгу). Пару раз даже приезжал к нам вместе с ней. Но почему-то женился не на ней, а на других женщинах...

— Говорят, Миронов обожал разыгрывать друзей?

— И не говорите! Однажды в пять утра раздается звонок в дверь. Мы с Кирой **ВСПОЛОШИЛИСЬ**, запаниковали. Открываю: на пороге совершенно голые стоят



Мы с Кириллом Ласкари взяли пса из цирка, там его признали неспособным к дрессуре. Почему-то муж назвал собаку Зурабом

Миронов, Ширвиндт, Гердт и, убей меня Бог, не помню, кто четвертый, прикрывают причинное место руками. Лица такие печальные: «Нина, нас ограбили! Забрали абсолютно все! Пусти нас, бедных». Я заохала, заахала, они же после этого полчаса смеялись не переставая. Оказалось: разделись внизу, чтобы меня так лихо разыграть!

Эта компания жила очень весело. Как-то утром сидим все вместе за столом, завтракаем. Я завожу с мужем старый разговор — чтобы научил меня водить машину.

Кира как-то странно на меня посмотрел и говорит: «Нина, сегодня поедешь в театр на такси». Оказалось, пока я была на съемках, их развеселая компания, не вписавшись в ворота дома, вдребезги разбила нашу машину. А ведь мы с мужем так радовались покупке «Москвича» (тогда как раз деньги появились: я много снималась и Кирилл поставил несколько балетов).

Помню, как на новеньком авто мы торжественно въехали во двор, прямо к подъезду — Кира, я и наш Зурикела. Только открылась дверца, Зурикела пулей вы-

скочил из машины и бросился к какому-то человеку в макинтоше и черной шляпе. Добрый пес решил поприветствовать «землянина» и оперся грязными лапами на его плечи. По двору разнесся жуткий вопль: «Заберите вашу собаку! Какой ужас! Нормальным людям жизни нет! Ваш пес мне плащ испортил!» Я подошла к потерпевшему прохожему, стала извиняться: «Простите его! На самом деле пес очень добрый. Хотите, я вам куплю новый плащ?» Но мужик не унимался. Кира слушал, слушал, наконец не выдержал, подошел к незнакомцу, которому, кстати, был по пояс, и гаркнул: «Иди ты на...» После этих слов важного человека в шляпе как ветром сдуло. Вечером сели ужинать, настроение у меня подавленное, я продолжаю пилить Киру: «Как ты мог обругать человека? Как нехорошо!» В это время раздается телефонный звонок: «Нина Николаевна? Вас беспокоит участковый, старший лейтенант Петров. Инженер нашего участка пожаловался, что

Сын стал актером, хотя я мечтала, чтобы он выбрал надежную мужскую профессию: врача, инженера или юриста. Хотелось на старости лет иметь прочный тыл...



В роли Елизаветы Английской, спектакль «Елизавета и Эссекс»

ваша собака набросилась на него и покусала. И еще, очень прошу, передайте вашему водителю, чтобы больше не ругался матом». Представляете, какое это было для Киры оскорбление? Он неделю со мной не разговаривал.

— Как сложились отношения у вашего сына с отчимом?

— Не могу сказать, что сын принял Ласкари как родного. Конечно, у них бывали стычки. Однажды во время обеда Кира довольно грубо попросил Андрюшу выйти из-за стола. Но я посчитала, что муж не прав, и приняла сторону сына: «Андрюша останется, а ты можешь уходить на все четыре стороны». Сегодня

Андрей с Кириллом в прекрасных отношениях. Один говорит: «Андрюша — мой сын!», другой шутит: «Мама, не сын ли я Ласкари?»

Слава Богу, сын не был обделен вниманием и заботой. В нашем доме всегда царил необыкновенная атмосфера, и он с детства имел счастливую возможность общаться с талантливыми людьми. Может, поэтому и стал актером. Хотя я мечтала, чтобы Андрей выбрал надежную мужскую профессию: врача, инженера или юриста. Хотелось на старости лет иметь прочный тыл, видеть в сыне опору. Увы, о том, что Андрюша поступает в театральный, я узнала, когда он уже проходил третий тур. Вот так — никакой помощи сын у меня не просил, и никаких протекций я ему не устраивала! Ког-

Уходя, Кирилл забрал все — даже лампы с потолка срезал. К моему великому удивлению, прихватил и поздравительную телеграмму от Фурцевой

да Андрюша торжественно пригласил меня на свой первый спектакль — он играл Тиля Уленшпигеля, — я тряслась как осиновый лист. Но увидела его на сцене — и страх уступил место чувству гордости: знай наших!

Сынуля — полная моя противоположность. Если я, как законопослушный человек, проработала много лет в одном театре, то Андрюша смело переходил из одного театра в другой, долго и упорно искал себя, пока не понял, что его призвание — эстрада. Например, он может взять в руки телефонную книгу и сделать с ней целое представление. Мне не дана такая легкость... Если бы я без выученного текста оказалась на сцене, мгновенно

бы ступедалась. Сын же импровизирует прямо по ходу действия.

В детстве Андрюшка был очень похож на девочку: длинные вьющиеся волосы и голубые глаза с густыми ресницами. Помню, отдыхали с ним у моего старшего брата в Калининe. Приходит как-то почтальон и просит Андрея: «Девочка, позови кого-нибудь из взрослых». Сын подбегает ко мне весь в слезах: «Я парень! Мама, скажи ему, что я парень!»

Однажды купила ему самокат. Приехали в Даугавпилс (он гостил у бабушки), вижу, что подарок стоит брошенный под дождем. Я тогда сказала сыну: «Надо же! Как странно, я видела твой самокат, знаешь, он плачет, потому что ты его

Наше дачное соседство с Людой Сенчиной со временем переросло в сильную привязанность





Кроме сына Вани у моего Андрюшки есть еще дочь Маша. Она живет в Голландии

бросил!» Андрюшка промолчал, а через некоторое время, крихтя и сопя, занес самокат в кухню, обтер его и больше не бросал. А с плюшевым медведем, которого я ему подарила в детстве, он не расставался никогда (подозреваю, что спит в обнимку с ободренным зверем до сих пор).

Когда Андрюшка учился в школе, мне ни разу не пришлось разбираться с учителями по поводу его поведения. Он никогда не выходил из дома, постоянно читал. Я пыталась вытолкнуть его на улицу, чтобы поиграл со сверстниками, — ни в какую! Но в зрелом возрасте он все наверстал. Андрей сменил много подружек, в этом он абсолютная копия своего отца! Но официально был женат всего раз и сегодня холост. У него сын Иван от однокурсницы Веры Киселевой. И дочь Маша — также от однокурсницы Алены Синцовой, на которой он и был «по правде» женат. Внуку Ивану сейчас двадцать четыре, он работает в Москве на телевидении, ведет музыкальную программу. Маше недавно исполнилось восемнадцать, она с мамой живет в Голландии.

Андрей щедрый до невозможности: если у него завелись деньги, он делится ими со всеми. Например, приходит в театр восьмого марта и накрывает для женщин праздничный стол. Когда вернулся со съемок фильма «Окно в Париж», ночью на интуристовском автобусе приехал ко мне на дачу с подарками. Последние сто рублей потратил на то, чтобы повидаться с матерью.

Недавно сынуля подарил мне «девятку». Теперь вожу себя и своих котов на дачу. Коллеги, увидев меня за рулем, попадали от удивления — они ведь прекрасно знают, какой я неприспособленный человек.

— Почему же вы расстались с Ласкари?

— Мы с Кирой жили замечательно, но всему, даже самому хорошему, приходит конец. Кира меня очень любил и хотел ребенка, а я сделала несколько аборт, и он мне этого не простил. Позже появилась женщина, которая от него родила, и он поставил мне условие: «Или мы будем жить так, как я захочу, или расстанемся». Раз он завел подобный разговор — выяснять отношения, как я считала, ни к чему. Я всегда резко рвала с мужчинами, поэтому после таких слов мне ничего не оставалось, кроме как сказать: «Все, прощай! Я буду жить только так, как захочу».

Когда картина вышла на экраны, местные выпивохи принимали меня за свою и кричали вслед: «Родная, дай трешку на водку!»



На даче под Питером

сама». Уходя, он забрал абсолютно все — даже лампы с потолка срезал! К моему великому удивлению, прихватил и телеграмму от министра культуры Фурцевой, которая поздравляла меня с премьерой фильма «Укротительница тигров». Вот так я осталась в пустой квартире. Тогда меня очень поддержал сын: «Мама, не плачь, мы с тобой все проживем!» После разрыва с Ласкари у меня были короткие романы, немало поклонников, но я так и не нашла того, который на всю жизнь! Часто ловила себя на одной и той же мысли, которой пугалась: «Кто этот человек, который рядом со мной?»

Порой задумываюсь, любила ли я хоть раз по-настоящему? И знаете, ответ получается не очень утешительный: теперь мне кажется, что я не испытывала сильного чувства ни к одному мужчине, с которым меня связывала судьба. Вот такая интересная получается история! Всю мою страсть, всю любовь забрала профессия. Ради нее я могла бросить всех мужчин на свете. И не только... Никогда не прошу себе, что из-за спектакля не успела попрощаться с умирающей мамой. Она все смотрела на часы и ждала меня, а я в это время играла на сцене. Приехала только на следующий день, когда мама уже умерла, так и не дождавись меня...

Только на сцене или в кино я умела любить, умела прощать, красиво двигаться, одеваться... А в жизни не могла устроиться ни с бытом, ни с мужьями! Ведь любому мужчине нужен семейный уют, вкусный обед и привлекательная хозяйка в фартуке с рюшками. А этого я не могла дать никому. Наверное, в душе понимая это, зля на мужчин, которые меня оставляли, никогда не таила. Наоборот, благодарна каждому, ведь любовь, которую мне дарили, помогала создавать образы прекрасных героинь.

Знаете, меня и в жизни чаще принимали не за актрису Нину Ургант, а за киноперсонажей. Например, в фильме Павла Чухрая «Запомните ее такой» я играла блокадницу с тяжелой судьбой. Она потеряла всех родных во время войны и пристрастилась к алкоголю. Так после того как картина вышла на экраны, наши местные выпивохи принимали меня за свою и, завидев, кричали вслед: «Родная ты наша, народная! Дай трешку на водку!»

— **Вы много лет дружите с актрисой Ией Саввиной...**

— **Для меня это самый близкий другочек, и хотя мы с Ией абсолютно раз-**

ные, я ее обожаю. Свел нас случай на пробах — причем меня тогда утвердили на роль, а ее — нет... Я всегда безумно боялась свою подружку, она меня постоянно воспитывала, учила жизни. Ведь многие актеры (вроде меня) уверенно чувствуют себя на сцене, но в быту абсолютные дети. Ия же хороша и на съемочной площадке, и на кухне. Помню, однажды она приехала в Ленинград на съемки — и сразу ко мне. Услышав во дворе ее крик: «Нина, помоги!», тут же выскакиваю навстречу и вижу такую картину: моя дорогая подружка (между прочим, народная артистка) в умопомрачительном наряде стоит с мешком и двумя авоськами в руках! На ней очень элегантные бархатные брючки, нарядная кофточка и туфли на высоченных каблуках. Хрупкая, красивая чеховская героиня — и с мешком через плечо! Оказывается, ее тетки специально для меня сшили стеганое одеяло из разноцвет-

Любила ли я хоть раз по-настоящему? Ответ не очень утешительный. Мне кажется, я не испытывала сильного чувства ни к одному мужчине

ных лоскутков, и Ия тут же мне его притащила. В авоськах — рыба, курица и целый мешок свежих, еще барахтающихся ершей. Лихо скинув туфли, все время наступая на сказочные бархатные брюки, она металась по моей кухне, то снимая пенку с кипящей ухи, то бросаясь в спальню, чтобы продемонстрировать красивое одеяло. Вот такая моя Ия Саввина! Добрая, широкая душа, умная, но не дай Бог попасть ей на язычок — живой не останешься!

К сожалению, моя зарплата в театре не позволяет шиковать, а в кино сниматься давно не зовут. Поэтому, когда звоню подруге в Москву, стараюсь говорить очень коротко. Зато Ия может говорить часами: пока не расскажет все анекдоты, все московские новости, не успокоится. На мои робкие замечания, что утекает много денег, отвечает только: «Не в деньгах счастье!» Если у Ни что-нибудь случается, она тут же звонит и просит: «Нинуля, помолись за меня своему Пантелеймону!»

— **А с другой подружкой и соседкой вы так же близки?**

— С Людой Сенчиной мы соседи по даче. Всегда помогаем друг другу — она покормит моих кошек (их у меня семь, а недавно приблудилось еще три), если меня нет, я — ее собак и кошек. Впервые я увидела Люсю, когда мы выступали с оркестром Станислава Горковенко. А надо признаться, я всегда жутко боялась оркестра, поэтому за кулисами дрожала как осиновый лист. Передо мной был выход Сенчиной. Красивая, с ямочками на щеках, она всю улыбалась. «Вы боитесь?» — спрашиваю я. — «Нет, абсолютно, ведь я получаю радость от пения». Через много лет судьба нас свела случайно, связав общей площадью. Когда Люся покупала дом, она пришла с сыном, которому тогда было лет четырнадцать, знакомиться. Но оказалось, помимо площади у нас еще очень много общего: обе до безумия любим животных и природу, обожаем вкусно готовить и посидеть за красиво накрытым столом.

Еще нас объединяет нелюбовь к шумным сборищам, тусовкам. Обе любим снять нарядные костюмы, смыть макияж, облачиться в хламиды и посидеть в кругу близких. Наше соседство со временем переросло в сильную привязанность. А прошлой зимой отмечали в ресторане ее звание — Люся получила звание народной артистки.

К сожалению, друзей с каждым годом остается все меньше. Часто вспоминаю Юру Никулина, который приходил ко мне в гости со всем цирком. Циркачи — натуры широкие, к тому же всегда жили богаче нас, актеров. Юра приносил пятикилограммовую банку икры, и мы ели ее ложками прямо из банки. У меня был огромный стол, который раскладывался от стенки до стенки, но все равно порой некуда было посадить гостей. А теперь, если зайдет на огонек Люся Сенчина да мой Андрюшка с очередной пассией, так нам хватает места и на кухне. Больше нет друзей — многие ушли. Я прихожу в церковь, за всех ставлю свечки и молюсь своему Пантелеймону...

Беседовала Нина Жаркова